

Ю. БОХЕНЬСКИЙ

Юзеф Бохеньский (р. 30.8.1902 г., г. Чушув, Польша) — известный швейцарский философ, профессор Фрибургского университета. Его научная карьера начиналась в университетах Львова и Познани, где в 1920—1926 гг. он изучал экономику и право. В 1927 г. он стал членом ордена доминиканцев, а годом позже приступил к изучению философии во Фрибуре. В 1931 г. Бохеньскому была присуждена степень доктора философии. Четыре последующих года он посвятил теологическим исследованиям в Университете Ангеликум в Риме: они также завершились докторской диссертацией. В 1935—1940 гг. Ю. Бохеньский преподавал в Ангеликуме и в Ягеллонском университете в Кракове. Во время второй мировой войны служил в Польской армии в Великобритании (1940—1944) и Италии (1944—1945). После войны работал во Фрибургском университете—профессором, деканом философского факультета, ректором. Философская деятельность Бохеньского и сейчас связана с этим университетом, но не ограничивается им: он участвует в работе многих других европейских и американских университетов. В 1966 г. Университет Нотр-Дам (США) присудил ему степень доктора по юриспруденции.

Книга "Сто суеверий" написана в особом жанре, редком для философа-профессионала. Она представляет собой словарь терминов, неверное толкование которых приводит, по мнению автора, к возникновению разного рода предрассудков, мировоззренческих иллюзий, стереотипов сознания. По своей антидогматической направленности книга Ю. Бохеньского близка той философской традиции, которая отчетливо проявилась, к примеру, в учении Ф. Бэкона об "идолах". Одной из сквозных ее тем является критика идолопоклонства в широком смысле слова, т.е. обожествления, возведения в абсолют "сотворенных предметов", будь то нация, наука или государство.

"Сто суеверий"—книга о том, что мешает свободно мыслить, а значит, и свободно жить. Обращение к этим проблемам актуально всегда, в любых исторических обстоятельствах и при любом социальном строе. Помочь человеку обрести такую свободу и призвана остроумная книга Юзефа Бохеньского.

И. И. Блауберг

АВТОРИТЕТ. Это понятие окружено множеством опасных суеверий. Прежде всего, следует выяснить значение термина "авторитет". Мы говорим, что один человек является авторитетом для другого в том случае, если все, что относится к какой-то определенной области, целенаправленно доведено им до сведения этого другого (например, в форме обучения, приказа и т. д.) и воспринято, освоено последним. Есть два вида авторитета: авторитет знатока, специалиста, называемый по-научному "эпистемическим", и авторитет вышестоящего лица, начальника, называемый "деонтическим". В первом случае некто является для меня авторитетом, когда я убежден, что он знает данную область лучше меня и что он говорит правду. Например, Эйнштейн для меня— эпистемический авторитет в физике, школьный учитель для своих учеников—эпистемический авторитет в географии и т.д. Некто является для меня деонтическим авторитетом, когда я убежден, что смогу достичь цели, к которой стремлюсь, только выполняя его указания. Мастер—деонтический авторитет для работников мастерской, командир отделения—для рядовых и т.д. Деонтический авторитет в свою очередь подразделяется на авторитет санкции (в случае, если цели авторитета отличаются от моих, но я выполняю его приказы, опасаясь наказания) и авторитет солидарности (в случае, если у нас с ним общая цель, как, например, у матросов и капитана судна в момент опасности).

1. Первым суеверием, связанным с авторитетом, является мнение о том, что авторитет и разум—вещи, противоречащие друг другу. На самом деле прислушиваться к авторитету — значит вести себя вполне благоразумно, в соответствии с разумом. Если, к примеру, мать говорит ребенку, что существует большой город Варшава, ребенок поступает разумно, считая это правдой; столь же разумно поступает пилот, когда верит метеорологу, сообщающему, что в эту минуту в Варшаве высокое давление, западный ветер скоростью 15 узлов,—поскольку

знания авторитета в обоих случаях превосходят знания ребенка или пилота. Более того, даже в науке мы прибегаем к авторитету. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на обширные библиотеки, имеющиеся в любом научном институте. Книги в этих библиотеках чаще всего содержат обзоры научных результатов, полученных другими учеными, т.е. высказывания эпистемических авторитетов. Подчинение авторитету, например капитану судна, иногда оказывается наиболее разумной позицией. Утверждение о том, что авторитет и разум всегда противоречат друг другу, является предрассудком.

2. Второе заблуждение касается веры в абсолютные авторитеты, т. е. в то, что существуют люди, авторитетные во всех областях. Конечно же, это неверно—человек может быть авторитетным в какой-то одной области, даже в нескольких областях, но уж никак не во всем на свете. К примеру, Эйнштейн был авторитетом в области физики, но отнюдь не в сфере морали, политики или религии. К сожалению, признание существования подобных абсолютных авторитетов—весьма распространенное заблуждение. Так, если группа университетских профессоров подписывает политический манифест, предполагается, что их сочтут авторитетами в области политики, каковыми они, безусловно, не являются; здесь мы сталкиваемся с признанием абсолютного авторитета, которым якобы обладают ученые. Эти профессора могут быть авторитетами в области истории Французской революции, китайской керамики или теории вероятностей, но никак не в сфере политики, и, подписывая манифест, они злоупотребляют авторитетом, которым действительно обладают.

3. Третьим, особенно опасным суеверием является смешение деонтического авторитета (авторитета начальника) с авторитетом эпистемическим (авторитетом специалиста). Многие полагают, что тот, у кого есть власть, т. е. деонтический авторитет, имеет также и авторитет эпистемический, так что может поучать своих подчиненных, например, по проблемам астрономии. Пишущий эти строки был некогда свидетелем "доклада" военного чина, ничего не смыслившего в астрономии, причем доклад был сделан в подразделении, где служил стрелком доцент астрономии. Иногда жертвами этого предрассудка становятся и выдающиеся личности. В качестве примера можно привести св. Игнатия Лойолу, основателя ордена иезуитов, который в известном письме к португальским отцам церкви потребовал, чтобы они "подчинили свой разум вышестоящему лицу", т. е. деонтическому авторитету. См.: гуру, интеллектуал, разум, рационализм.

АСТРОЛОГИЯ. Система взглядов, исходящая из того, что взаимное расположение Солнца, Луны и планет в момент рождения человека влияет на его судьбу и что поэтому его будущее можно предсказать. Астрология—одно из наиболее распространенных суеверий. В некоторых цивилизованных странах каждый третий взрослый человек платит, подчас дорого, за астрологические гороскопы. В Париже существует Высшая астрологическая школа, издающая рефераты, трактаты и учебники, а также присваивающая "ученые" звания. В этой "школе" преподает даже некий католический монах, ставящий свою подпись именно в качестве монаха.

То, что астрология—это заблуждение, можно обосновать трояким образом. Во-первых, все без исключения ученые, компетентные в этой области, т. е. астрономы, астрофизики и психологи, отвергают астрологию как суеверие. Во-вторых, утверждения астрологов совершенно голословны: приводимые ими "доказательства" противоречат элементарным принципам научной методологии, особенно статистики. В-третьих, известно, что судьбы людей, родившихся в одно и то же время и в одной и той же местности, которые, согласно астрологии, должны быть одинаковыми, на самом деле совершенно различны (св. Августин). Для иллюстрации приведу выдержку из учебника по астрологии некоего Франческо Вагнера (раздел о планетах):

"Луна... пробуждает в нас естественное стремление к переменам, к небольшим путешествиям... делает нас более проникательными, усиливает интуицию, медиумические способности, пассивность. Регулирует деятельность женских органов, ответственна за половые расстройства, рождаемость, протекание беременности и родов.

Меркурий... планета интеллекта и духа, профессионального труда, интересов, особенно коммерческих. Именно Меркурий определяет ту роль, которую личность будет играть в обществе.

Сатурн... осуществляет предназначения, ведет человека по ступенькам духовного и социального прогресса—а также дает силы, необходимые для достижения цели. Это планета скорби и чувства долга..."

Конечно, все это прекрасно и поучительно— жаль только, что абсолютно необоснованно. О названных планетах известно лишь то, что они являются безжизненными небесными телами, движущимися в пространстве по законам механики. Известно также, что астрологические "вибрации" настолько слабы, что разговор, ведущийся вполголоса в соседнем помещении, действует на нас несравненно сильнее.

Одной из причин популярности астрологии, без сомнения, является тот факт, что астрологи

иногда обладают пронизательностью и интуицией, знанием человеческой души, а возможно, и медиумическими способностями, что дает им знание о клиентах, совершенно независимое от расположения небесных тел, хотя они приписывают успех своего диагноза астрологической "науке".

БИХЕВИОРИЗМ. В узком значении слова бихевиоризм — это методология, запрещающая обращать внимание на переживания исследуемого объекта и требующая ограничиваться исследованием его поведения (англ. behaviorism). Правильна или нет эта методология—пусть судят психиатры. Однако иногда бихевиоризм приобретает другое значение и выступает как точка зрения, согласно которой психические явления, иначе говоря душа, не существуют. В этом значении бихевиоризм, безусловно, является заблуждением. См.: душа, материализм.

ВЕРА. Слово "вера" имеет два аспекта:

1) объективный—то, во что верят, и 2) субъективный—сам акт веры, принятие чего-либо за истину, позиция человека, который верит. Во втором аспекте вера—это акт признания истинным какого-то положения, если верящий человек желает этого, т. е. через посредство воли.

В отношении веры имеется ряд предрассудков. Один из них состоит в отрицании необходимости каких-либо доказательств, суждений и в сведении веры к чувству. Ошибочность этой точки зрения очевидна, ибо причина веры смешивается здесь с ее объектом. Вера не может быть серьезной, если у нее нет объекта. И когда говорят: "верю, но нет ничего, во что я верю",—это невнятица, нонсенс. В любом веровании имеется какое-то содержание, которое выражается в положении, признаваемом за истинное. Например, если я верю, что Исидор вернет долг, то считаю истинным суждение "Исидор вернет долг". Согласно другому предрассудку, вера—акт неразумный, в том смысле, что у верящего нет никаких разумных оснований для веры. В действительности же психически здоровый человек не может считать истинным какое-то положение, т.е. верить в него, без каких-либо доводов в его пользу, не имея на то достаточных оснований. Если говорить об акте веры, посредством которого формируется мировоззрение, то такое основание, видимо, является гипотетическим, на нем базируется весь опыт данного человека, включающий не только факты, но и моральные, эстетические и другие ценности. К примеру, буддист сформулирует гипотезу приблизительно такого содержания: в буддизме (в моей вере в него) жизнь обретает смысл, а в жизненный опыт вносится порядок. Эта гипотеза не доказывает истинности веры, "скачок" к истинности совершается за счет акта веры, но сама гипотеза есть акт разума, который—хотя бы отчасти—обосновывает акт веры. Вера не обязательно является "скачком во мрак" или иррациональным актом.

Есть еще один предрассудок, который требует постоянно сомневаться в том, во что ты веришь. Однако тот, кто верит всерьез, не может не считать объект своей веры истинным. См.: авторитет, разум, религия.

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Период перехода от Средневековья к эпохе Нового времени в Европе, длившийся почти два с половиной столетия. В этот (период во многих областях жизни произошли значительные изменения; бурный расцвет пережили наука и искусство. Период Возрождения делится на множество составных частей и фаз развития. С ним также связаны различные суеверия, укоренившиеся настолько прочно, что даже в наши дни требуются немалые усилия, чтобы их опровергнуть. у 1. Первое и, наверно, главное заблуждение считать (подобно многим идеологам Возрождения) Возрождение именно возрождением, воскресением культуры и цивилизации, наступившим после долгого периода варварских "средних веков", мрачного времени, периода разрыва в развитии культуры. Этот предрассудок основан на полном незнании Средневековья и тесной связи между ним и Возрождением; в качестве примера достаточно будет назвать две совершенно различные области—поэзию и экономическую жизнь. Данте жил в XIII веке, т. е. в кульминационный момент Средневековья, Петрарка—в XIV. Что касается экономической жизни, то подлинный ее ренессанс также приходится на XIII век, время быстрого развития торговли и банковского дела. Говорят, что Возрождению мы обязаны переоткрытием древних авторов, но это—тоже суеверие. Известно, что в этот период были открыты лишь две древнегреческие рукописи, остальные уже имелись на Западе (главным образом во Франции), ибо возврат к древности, связанный с интересом к человеку и природе. Западная Европа пережила в XII и XIII веках. 2. Второе суеверие связано со смешением двух составных частей Возрождения, противоположных друг другу, а именно так называемого гуманизма и нового естествознания.

Гуманизм враждебен всякой логике, всякому разуму, всякой естественной науке, которую он считает "механическим" трудом, недостойным культурного человека, призванного быть писателем, ритором, политиком. Фигура человека Возрождения, который сочетает в себе одновременно и Эразма Роттердамского и Галилея, является мифической, а вера в некий единый, присущий эпохе Возрождения образ мира—не что иное, как суеверие

3. Третий предрассудок состоит в восхвалении философии эпохи Возрождения как "великой" по сравнению с предшествующей ей схоластикой.

ДИАЛЕКТИКА. Термин "диалектика" происходит от греческого (διαλεκω), что значит дискутировать: первоначально диалектика была искусством дискуссии. В течение длительного периода—например, у древних стоиков и схоластов—диалектикой называлась логика. В этом значении диалектика отнюдь не является заблуждением и играет весьма положительную роль. Лишь немецкий философ Гегель придал этому слову новое, ложное значение. Насколько вообще можно понять мысль Гегеля—ибо выражается он крайне путано и сложно,—природа как бы дискутирует сама с собой. Вследствие этой дискуссии возникает движение, появляются различные существа и т. д. Далее, Гегель и его сторонники утверждают, что в мире существуют противоречия, ибо в дискуссии природы с самой собой один участник возражает другому. Коли так, мир полон противоречий, и обычная логика, которая их не признает,—плохая логика и самое большее пригодна лишь для "кухонного употребления" (Ленин). В философии необходима иная, "высшая" диалектическая логика, с противоречиями и тому подобными монстрами. Последователи Гегеля много говорят также о небытии отдельных частей: реально существует только целое. Так, например, в государстве человеческая личность—это "диалектический момент" целого, т. е. государства, это как бы волна, появляющаяся и исчезающая на поверхности океана.

Из понимаемой таким образом "объективной диалектики" возникает затем так называемая субъективная диалектика, та самая "высшая" логика и методология мышления. Ленин, а затем Сталин пытались установить правила "диалектического метода". Согласно Сталину, к примеру, он состоит в том, чтобы смотреть на явления с точки зрения целого, исследовать, какова цель движения, обращать внимание на противоположности (Сталин называет их, как и другие диалектики, "противоречиями") и т. д. Диалектика в такой интерпретации должна стать логикой пролетариата, революции, коммунизма и т. д.

Большинство положений диалектики—суеверия. Это и убеждение в том, что природа "дискутирует" сама с собой, и вера в некую "высшую" логику, и уверенность в том, что с помощью этой так называемой диалектической логики можно достигнуть каких-либо результатов. Ведь она в лучшем случае представляет собой собрание весьма примитивных советов, далеких от принципов современной методологии науки. Сам Маркс, на которого любят ссылаться диалектики, никогда не пользовался ничем, кроме обычной формальной логики и методологии естественных наук. В последнюю он верил, как в слово пророка. Ложность диалектики настолько очевидна, что даже в Советском Союзе, где ее навязывали силой, находились философы, которые осмеливались выражать по этому поводу протесты. Сегодня там допускают, наряду с официальной диалектикой, и обычный человеческий разум, и обычную логику.

В чем причина успеха диалектики? Он был бы несомненно меньшим, если бы коммунистические партии всего мира не навязывали ее везде, где они обладают властью. Но наряду с партийным насилием определенную роль сыграла вера в превосходство ложных философий, таких как философия Гегеля. Ход мысли при этом примерно таков: все, что рекомендует знаменитый философ, правильно и хорошо; Гегель—знаменитый философ и рекомендует диалектику. "Следовательно, диалектика правильна и хороша. Таким образом, одно заблуждение влечет за собой другое. Кроме того, "достоинство" диалектики в том, что ее стороннику нет нужды представлять точные доказательства. В самой диалектике нет ни одного закона и соответственно ни одной нормы, которые можно было бы отнести к "логике"; противореча законам формальной логики, она дает своим сторонникам иллюзорное чувство свободы—кажется, что все дозволено. Однако эта ложная свобода от законов формальной логики обеспечивает право лишь на невнятицу, на нонсенс.

К сожалению, во имя "диалектического" суеверия преследовались и до сих пор преследуются люди; во имя него людей даже убивали. Диалектика — одно из самых вредных, какие только есть на свете, суеверий.

См.: логика, марксизм, невнятица, противоречие, свобода.

ДИАЛОГ. Греческий термин, обозначающий то же самое, что "разговор", "дискуссия", иногда с подчеркиванием его цели — более успешного познания какого-либо предмета. Таким образом, в диалоге самом по себе не заключено ничего особенно таинственного или "философского". К сожалению, некоторые философы-экзистенциалисты превратили диалог в настоящее суеверие. По их мнению, диалог в человеческой жизни есть нечто принципиальное, "глубокое" и чрезвычайно важное. Один из этих философов утверждает, что

и человеческий труд является диалогом, ибо люди во время работы разговаривают. С таким же успехом можно утверждать, что курение трубки—это диалог, поскольку люди при этом беседуют. Очень распространено заблуждение, согласно которому диалогом можно считать религию. Возможно, Бог разговаривал с Авраамом и пророками, но я готов поклясться, что он не разговаривал ни с кем из простых верующих. Если религия — это диалог, то, видимо, того же рода, что и разговор деда с иконой в польской песенке: "Обращается дед к иконе, а икона молчит и молчит". Речь идет о явном предрассудке. Не думаю, что "диалогическое" суеверие столь же распространено, как заблуждения, рассмотренные ранее, однако оно часто встречается у проповедников, журналистов, интеллектуалов и им подобных. Одним из главных его источников является концепция экзистенциализма, согласно которой человек существует лишь тогда, когда вступает с кем-либо в "коммуникацию". Но хотя наши понятия действительно связаны со словами, а слова мы употребляем именно в диалоге, из этого вовсе не следует, что человек не может существовать—и вести при этом насыщенную жизнь—без какого-либо обмена мыслями с другими людьми. В любом случае фактом является то, что великие люди иногда совершали свои деяния в одиночестве, следовательно, именно в одиночестве их существование было наиболее насыщенным.

Ясно, что "диалогическое" суеверие импонирует людям слабым, испытывающим потребность в других, тем людям, которые не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы самостоятельно бороться с судьбой. Такие люди воспринимают заблуждение, связанное с диалогом, с большим энтузиазмом. К этому приводит еще одна причина — коллективизм, чрезмерный упор на общество; людям постоянно внушают, что без поддержки общества они—ничто, следовательно, они ничто и без диалога.

См.: коллективизм, экзистенция.

ДОСТОВЕРНОСТЬ. Мы говорим, что знание достоверно, если у нас нет оснований в нем сомневаться. К примеру, я убежден в достоверности суждения, что сейчас за окном дождь, что дважды два — четыре и что если дождь идет, то неправда, что он не идет. С достоверностью связаны два предрассудка. Один из них—скептицизм, согласно которому ничто нельзя знать достоверно. Но это—ложь, к тому же ложь смешная. Второе заблуждение—требование абсолютной достоверности во всем, такой, какой обладают, скажем, элементарные математические теоремы. Французский философ периода упадка Декарт пошел еще дальше в попытках достигнуть достоверности. Согласно Декарту, достоверно лишь его знаменитое со§1(;о, положение "я мыслю, следовательно, существую" (на самом деле это положение ничуть не достовернее, чем упомянутые теоремы).

Причиной этого суеверия является смешение двух различных понятий, а именно "абсолютной" и "моральной" достоверности, или высокой степени вероятности. В подавляющем большинстве случаев мы достигаем достоверности именно второго рода, и она нас вполне удовлетворяет. Вопреки распространенному мнению, достоверность, которую обеспечивает естествознание, является относительной. Утверждение о том, что Земля вращается вокруг Солнца, принадлежащее канонику Копернику, не является абсолютно достоверным, однако степень его вероятности стала теперь настолько высокой, что подвергать его сомнению было бы крайне неразумно. Точно так же я не могу абсолютно достоверно знать, что в мой суп не будет подсыпан сегодня яд. Быть может, повар сошел с ума или воспылал ко мне тайной ненавистью (хоть мы с ним и не знакомы) и влил в бульон диоксин или какую-то другую мерзость. Следует ли мне по этой причине вообще отказаться от супа? Ни в коем случае, ибо на практике вполне достаточно моральной достоверности, согласно которой суп не отравлен, а Земля вращается вокруг Солнца.

Другое дело, что иногда мы встречаемся и с абсолютной достоверностью. Известный польский логик Ян Лукасевич показал когда-то автору длиннейшее логическое умозаключение и на вопрос, истинно ли оно, с удивлением ответил, что оно совершенно достоверно, абсолютно истинно.

ИНТУИЦИЯ. Обозначает непосредственное познание, «проникновение» в некий данный предмет, на который смотрят или о котором размышляют. Есть два типа интуиции. Одна предшествует рассуждению, вторая—своего рода образ системы в целом, уже созданной с помощью рассуждения. С интуицией связаны два заблуждения. Согласно первому, без интуиции можно обойтись, во всяком случае, без интуиции интеллектуальной (т.е. интуиция ограничивается областью чувств). Человек якобы не может познавать непосредственно, он способен только рассуждать, выводить заключения. То, что это заблуждение, вытекает не только из очевидных фактов (совершенно ясно, что многие истины мы познаем непосредственно). Если нет интуиции, то наши рассуждения лишаются основания и мы впадаем в скептицизм.

Заблуждением является также мнение, что интуиция может заменить рассуждение, т. е.

достигнуть объекты, которые не даны субъекту непосредственно. Конечно, когда влюбленные смотрят друг другу в глаза, они могут интуитивно проникнуть в чувства друг друга, однако нет и не может быть интуиции жизни или материи.

Одной интуиции недостаточно, чтобы сориентироваться в сложных рассуждениях, скажем в области математики. Поэтому представление о том, что интуиция может заменить разум, является заблуждением.

Его успех объясняется, с одной стороны, преувеличением роли рассуждений, характерным для некоторых рационалистов, а с другой—простой ленью, желанием избежать тяжелого труда, связанного с умозаключениями, проверкой рассуждений и т. д. И все же в данном случае речь идет о предрассудке.

Следует знать, что «интуиционизмом» называется «голландская» школа философии математики и логики, которая не имеет с названным заблуждением ничего общего.

См.: логика, наука, разум, рационализм.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ. Заблуждение, основанное на вере в то, что человек гораздо лучше познает мир при помощи чувств, интуиции и т. п., чем при помощи разума. Ошибочность такого взгляда очевидна, ибо все наши знания о мире получены посредством опыта и умозаключений, т. е. посредством разума. Очень странно, что множество людей разделяют иррационалистическое суеверие. Отвечая на вопрос, почему это происходит, следует учесть, что интуиция действительно играет немалую роль в отношениях между людьми: наделенная интуицией женщина порой знает о человеке гораздо больше, чем самый опытный психолог. Иррационализм переносит данную истину в область познания мира, физических объектов, и это становится очевидным заблуждением. Попробуйте с помощью интуиции осмыслить, например, данные астрономов о туманностях или построить теорию Эйнштейна и т. д. Популярность иррационализма обусловлена также тем, что он освобождает своих сторонников от тяжелого, кропотливого труда, который необходим, когда мы используем рационалистический метод. Наконец, свою роль сыграла демагогия журналистов и литераторов.

См.: интуиция, логика, наука, разум, рационализм.

ИСТИНА ОТНОСИТЕЛЬНАЯ. Утверждение о том, что всякая истина относительна, ибо речь идет о "моей истине" и т. п., является заблуждением. В действительности никакая истина не может быть относительной, а разговоры о "моей" истине—это просто невнятица. Ведь какое-либо суждение истинно тогда, когда то, что в нем выражается, соответствует действительности. К примеру, утверждение "сейчас в Кракове гремит гром" истинно в том случае, если в Кракове сейчас на самом деле гремит гром. Его истинность или ложность совершенно не зависит от того, что мы знаем и думаем о громе, гремящем в Кракове. Причиной этого заблуждения является смешение двух совершенно различных вещей: истины и нашего знания об истине. Ибо знание об истинности суждений всегда является человеческим знанием, оно зависит от субъектов и в этом смысле всегда относительно. Сама же истинность суждения не имеет с этим знанием ничего общего: утверждение истинно или ложно совершенно независимо от того, знает об этом кто-то или не знает. Если предположить, что в эту минуту в Кракове действительно гремит гром, может случиться, что один человек, Ян, знает об этом, а другой, Кароль, не знает и даже считает, что сейчас в Кракове гром не гремит. В этом случае Ян знает, что утверждение "сейчас в Кракове гремит гром" истинно, а Кароль этого не знает. Таким образом, их знание зависит от того, кто обладает знанием, иначе говоря, носит относительный характер. Однако истинность или ложность суждения от этого не зависит. Даже если бы ни Ян, ни Кароль не знали, что сейчас в Кракове гремит гром, а на самом деле гром гремел, наше суждение было бы абсолютно истинным независимо от знания об этом факте. Даже утверждение: "Количество звезд Млечного Пути делится на 17", об истинности которого никто не может ничего сказать, все же является либо истинным, либо ложным.

Таким образом, разговоры об "относительной", или "моей", истине—невнятица в полном смысле этого слова; таковой же является и утверждение: "На мой взгляд, Висла протекает через Польшу". Чтобы не бормотать нечто невнятное, сторонник этого суеверия должен был бы согласиться с тем, что истина непостижима, т. е. встать на позицию скептицизма. Ту же "относительность" можно обнаружить в прагматическом, диалектическом и тому подобных подходах к истине. Все эти заблуждения ссылаются на некие технические трудности, но в сущности являются следствием скептицизма, сомневающегося в возможности познания. Что касается технических трудностей, то они носят мнимый характер. Например, говорят, что высказывание "сейчас в Кракове гремит гром" сегодня является истинным, а завтра, когда в Кракове гром греметь не будет, окажется ложным. Говорят также, что, например, высказывание "идет дождь" истинно во Фрибуре и ложно в Тырнове, если в первом

городе идет дождь, а во втором светит солнце.

Однако это недоразумение: если мы уточним суждения и скажем, например, что под словом "сейчас" мы подразумеваем 1 июля 1987 года, 10 часов 15 минут вечера, то относительность исчезнет.

Истина либо абсолютна, либо вообще не существует. Утверждать же, что абсолютной истины нет,—значит впадать в суеверие.

КОЛЛЕКТИВИЗМ. Термин "коллективизм", с одной стороны, обозначает то же, что "коммунизм" в широком смысле слова. С другой стороны, он выражает более общий взгляд, а именно признание абсолютного главенства коллектива, общества над человеческой личностью. Перефразируя известное выражение Муссолини, коллективизм можно определить следующим образом:

"Все в обществе, все благодаря обществу, все для общества". Стало быть, коллективизм полностью подчиняет личность обществу; свое законченное выражение он находит в тоталитаризме. Согласно последовательному коллективизму, личность лишена всяких прав. Теоретической основой коллективизма является убеждение в том, что существует только общность, а отдельные люди, личности суть ее "моменты". Но эта точка зрения представляет собой несомненное заблуждение. Верно как раз противоположное: подлинной реальностью обладают отдельные люди, а не общество в целом. Если общество и реально, то, безусловно, оно реально в меньшей степени, чем составляющие его личности.

КОММУНИЗМ. У этого слова есть по меньшей мере два смысла. Их смешение является причиной распространенного заблуждения. В первом, широком смысле коммунизм—это строй, при котором средства производства, блага, а иногда и женщины представляют собой общую собственность. Всякая идеология, философия, партия и т.д., ставящая своей целью достижение этого строя, называется коммунистической. В другом, более узком значении коммунизм—это взгляды, организация и практика российской коммунистической партии и связанных с ней партий в других странах. Во втором смысле коммунизм— понятие более богатое, ибо включает (1) идеологию, т.е. марксизм-ленинизм, и (2) организацию и деятельность коммунистической партии. Люди, которые говорят: "Коммунизм прекрасен, но его реализация по-советски безобразна", употребляют слово "коммунизм" и в том и в другом смысле. Возможно, коммунизм и прекрасен как идеал (хотя это и сомнительно), однако то, что происходит в Советском Союзе и так называемых социалистических странах,—это коммунизм в узком смысле слова, ибо включает такие элементы, как диктатура партии, диалектический материализм и т. п., не имеющие с коммунистическим идеалом ничего общего. Сами коммунисты понимают коммунизм еще в одном смысле, а именно как противоположность социализму, причем коммунизм должен быть завершающим, а социализм— предварительным периодом развития общества, которое движется в направлении земного рая. Главной причиной распространения этого заблуждения является целенаправленная дезинформация, которой занимаются коммунисты. См.: марксизм, социализм.

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ. Ошибочное мнение, что все основано на соглашении, конвенции (от французского *convention*). Например, если у меня болит зуб, то это происходит оттого, что мы так условились. Если у меня есть сто долларов и я отдал два раза по пятьдесят, то больше у меня ничего не осталось. Этот вывод также зависит от соглашения. Условься мы иначе, зуб не болел бы, а в кармане лежало бы двести долларов. Следует спросить конвенционалиста, не издевается ли он над окружающими?

Причиной возникновения этого заблуждения, кроме всеобщего разочарования в возможностях познания, следует считать ту реальную значимость, которой обладает конвенция. Например, смысл употребляемых нами слов зависит от соглашения. Они могли бы обозначать и что-нибудь другое. Но делать из этого вывод, что любое (без исключения) высказывание носит конвенциональный характер—значит исповедовать крайнюю форму релятивизма, приводящую к скептицизму и заблуждению.

См.: истина, релятивизм, скептицизм.

МАГИЯ, Предполагается, что человек способен с помощью различных таинственных слов, жестов, амулетов и т.п. приемов заставить силы природы и даже духов и самого Бога исполнить его волю. Сама магия является суеверием; неверно было бы смешивать магию с религией, которая ей противоположна в принципе, ибо религиозные люди, наоборот,

интенсивно переживают свою зависимость от Божества. Однако магия часто соединяется с религиозными верованиями и положениями. Еще одним заблуждением в этой сфере является отождествление магии с наукой, которое проводится некоторыми историками науки (Фейерабенд).

См.: наука, религия.

МАРКСИЗМ. Важнейшая разновидность марксизма, а именно так называемый марксизм-ленинизм, представляет собой самое богатое собрание суеверий. Его сторонники объединены в типичную секту, возглавляемую типичным гуру. Марксизм включает в себя так называемое "научное" мировоззрение, диалектический материализм, сциентизм, историософию, экономизм, теорию классов, веру в прогресс—если назвать только некоторые из разделяемых им заблуждений. О них в нашем словаре уже говорилось. Разберем основной предрассудок марксизма, а именно—отношение его сторонников к гуру, Карлу Марксу.

Следует различать взгляды Маркса и взгляды его предшественников и последователей, а также разные элементы мировоззрения самого Маркса. В марксизме все это перепутано.

1. Многие положения марксизма принадлежат не Марксу. Некоторые из них высказывались еще до Маркса, например положения о том, что общество состоит из классов, что существует классовая борьба, что наша цель—коммунизм и т.д. Во времена Маркса понятие класса было настолько распространенным, что Маркс не видел никакой необходимости в его определении. Кроме того, Марксу были приписаны мысли, ему самому чуждые. Главные из них высказал Энгельс, посредственный мыслитель, философия которого считается выражением взглядов Маркса. Между прочим, именно Энгельс изобрел суеверие, называемое диалектическим материализмом. Дело в том, что Маркс в зрелые годы перестал заниматься философией и даже (совершенно справедливо) осудил современную ему синтетическую философию. Однако в силу того, что сторонники марксизма вначале имели наибольший успех в Германии, где каждый гуру просто обязан быть философом, начались поиски "марксистской" философии, и, не зная ранних работ Маркса, люди уверовали, что марксистская философия изложена Энгельсом. Сегодня мы знаем, что это далеко не так и что многие взгляды Энгельса не согласуются с позицией Маркса.

Наибольшее влияние на "развитие" марксизма оказали русские, особенно Плеханов и Ленин; взгляды последнего, соединенные со смесью из Маркса и Энгельса, получили название марксизма-ленинизма и до сих пор являются наиболее влиятельной разновидностью марксистского суеверия.

2. Кроме того, достаточно сложными являются взгляды самого Маркса, и ценность различных аспектов его мышления неодинакова. Маркс был прежде всего ученым и считал себя таковым. Свою задачу он видел в создании "научного социализма" и социологии (одним из основателей которой он является) по образцу физики. В этом отношении Маркс, несомненно, выдающийся мыслитель, хотя и не особенно удачливый, ибо большинство его научных гипотез оказались ошибочными: гипотеза о приближающемся царстве свободы, гипотеза о растущем обнищании пролетариата, о крушении капитализма и т. д. и т. п. Во времена Маркса эти гипотезы носили научный характер, однако видеть в них сегодня философские догматы было бы ребяческой наивностью. Марксу принадлежит также ряд оригинальных философских замыслов, однако все они остались неразработанными, и считать его философом было бы недоразумением: одних замыслов мало, а их обоснованием Маркс почти не занимался. Далее, Маркс был моралистом и в этом качестве сыграл настолько важную роль, что мы в Европе и сегодня ходим в его учениках. Наконец, Маркс был сторонником Просвещения: он верил в неизбежное поступательное движение человечества, главным образом благодаря "свету" науки, к раю на Земле. Зная реальное положение дел, никто сегодня не разделяет этих взглядов, однако в отсталых странах ими до сих пор охвачены и народные массы, и интеллигенция.

Таким образом, соглашаться со всем, что сказал Маркс, а также с тем, что придумали его последователи вроде Ленина,—значит присоединиться к постыдному суевию.

Положение усугубляется тем, что, в отличие от других суеверий (например, астрологии или идеализма), марксизм до сих пор насильственно навязывают в странах, называемых социалистическими, где ученые, философы и т.д., зная, что имеют дело с заблуждением, тем не менее подчиняются властям и прославляют марксизм как непогрешимое пророчество. В течение долгих веков человеческая мысль не знала унижения, подобного тому, какому она подверглась под властью марксизма.

МАТЕРИАЛИЗМ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ. Одно из самых удивительных суеверий, входящих в состав марксизма-ленинизма. Диалектический материализм, по сути дела, представляет собой соединение взглядов двух философов, выдвигавших противоречащие друг другу тезисы. Речь идет об Аристотеле и Гегеле. Понимание "материализма" в диамате имеет мало общего с

материализмом в общепринятом смысле слова (см. душа), но зато содержит основные положения философии Аристотеля: о субстанциях, неизменных сущностях, независимой от сознания действительности, о том, что моральные ценности абсолютны, существуют за пределами истории и т. д. Слово "диалектический" означает, что диалектический материализм признает философию Гегеля, которая отрицает субстанцию, постоянные сущности, независимую от духа действительность, а моральные ценности считает изменчивыми и т. д. Лишь недостатком образования, отличавшим создателя диалектического материализма Энгельса, можно объяснить соединение этих взаимоисключающих взглядов. Следствия этого заблуждения подчас обезоруживают. Одно из них—так называемая проблема Спартака. Ведь Спартак руководил революцией в тот период, когда класс рабовладельцев был, согласно марксизму, классом прогрессивным, а следовательно, революция не имела никаких шансов на успех и—с точки зрения морали—была преступлением, ибо противоречила интересам прогрессивного класса. Это вытекает из позиции Гегеля, а значит, и диалектического материализма. Но одновременно Спартак превозносится как герой. Почему? Потому что уничтожение любой эксплуатации, совсем по-аристотелевски, считается абсолютной ценностью, стоящей над эпохами и классами. Здесь нужно выбирать—либо одно, либо другое; тот же, кто одновременно принимает оба эти положения, впадает в суеверие. См.: марксизм, материализм.

МАТЕРИАЛИЗМ. Заблуждение, согласно которому все существующее, в особенности все психические явления, имеет материальную, т. е. физическую, природу, а значит, мысль, сознание, чувство, воля и т. п. либо вовсе не существуют, либо должны пониматься как нечто физическое, по сути дела—как движения материальных частиц. Понимаемый таким образом, материализм—одно из самых удивительных суеверий, когда-либо придуманных философами, ибо психические явления, само собой разумеется, совершенно отличны от явлений физических. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе, по совету немецкого философа Лейбница, мозг, увеличенный до размеров мельницы. Обходя эту мельницу, мы видим различные частицы материи, сталкивающиеся друг с другом, но не находим ни малейшего следа того, что можно было бы назвать сознанием, ибо оно есть нечто совершенно отличное от этих частиц и их движения. Другими словами, утверждать, что сознание и т. д. материально, абсурдно, это равносильно тому, чтобы утверждать, что вода—это железо, а серебро—воск.

Следует признать, что наиболее образованные из материалистов не отрицают, что психические явления отличаются от физических, но все же считают их "в принципе" чем-то материальным. Впрочем, невозможно понять, что в данном случае имеется в виду под "материальным". С таким же успехом можно утверждать, что "в принципе" железо есть дерево, а это уже бессмыслица.

Единственным аргументом материалистов может служить ссылка на очевидную зависимость психических функций от функций физических. Но из того, что А зависит от В, вовсе не следует, что А тождественно В. Ведь точно так же можно было бы утверждать, что поскольку висящий на крючке плащ шевелится и падает, когда мы дергаем за этот крючок, то он и сам является этим крючком (Бергсон).

Иной раз мы имеем дело с недоразумением: люди, утверждающие, что они материалисты, в действительности хотят отмежеваться от реистичеекого суеверия, считающего душу вещью. В этом они совершенно правы, жаль только, что обозначают правильный взгляд ошибочным термином "материализм".

См.: душа.

МЕТАФИЗИКА. О метафизике часто говорят с суеверным ужасом ("метафизическим трепетом"). Это заблуждение возникло вследствие совпадения ряда обстоятельств. Все началось с некоего Андроника Родосского, который, не зная, как назвать стопку заметок, оставленных Аристотелем, обозначил их как "то, что идет за (τετα) физикой". Чего там только не было! Кроме всего прочего, там был и словарик философских терминов. Во всяком случае, этого Андроника настолько плохо поняли, что его τετα было истолковано не в смысле положения в собрании текстов ("после"), а в значении "вне". Метафизика была понята как то, что находится вне физического мира. Поэтому люди считают, например, вампиров метафизическими существами и, естественно, пугаются, когда кто-то начинает говорить о метафизике.

Но для философов метафизика—это дисциплина, занимающаяся внеопытными объектами, т. е. такими объектами, которые находятся за пределами чувственного опыта. Один из философов, Иммануил Кант, зная, что в дисциплине этой царит большой беспорядок и отсутствует какой-либо прогресс, пришел к убеждению, что рациональная, основанная на разуме метафизика невозможна, а следовательно, к внеопытным объектам нужно идти каким-

то другим путем. Такими объектами, по Канту, были (и до сих пор являются) душа, мир и Бог.

1. Кантовское утверждение, что метафизика, основанная на разуме, невозможна, т.к. выходит за пределы опыта, есть первое связанное с метафизикой заблуждение. Ибо о внеопытных объектах говорится в любой сколько-нибудь развитой науке. В естественных науках они даже получили особое наименование "теоретические объекты". Следовательно, нет никакого основания считать метафизические исследования невозможными.

2. С первым суеверием связано и второе, а именно мнение о том, что метафизические объекты познаются, выражаясь по-ученому, иррациональным способом, т.е. при помощи неких чувств, интуиции, тревоги, метафизического трепета и т. п. Чувство действительно способно приплачивать обществу за свою вину. К чему приводит отрицание вины и наказания, показывает следующий случай. Во время бунта в одной из американских тюрем телевидение засняло на пленку встречу заключенного негра с его матерью. Фотографии этой встречи, опубликованные в прессе, возбудили огромную симпатию к преступнику. Увы, на следующий день редакция городской газеты получила письмо от женщины, которая сообщила, что этот негр изнасиловал и до смерти замучил ее восьмилетнюю дочь. "Мне и моему ребенку никто не сочувствовал—вы сочувствуете только убийце",—написала она.

МИСТИКА. Опыт непосредственного общения с Богом. С мистикой связано несколько заблуждений. Одно из них—"диалогическое" (см. диалог), согласно которому мистическое состояние может возникнуть у всех верующих. Суть другого предрассудка состоит в том, что любая невнятица считается мистическим языком. Еще одно заблуждение приравнивает мистику к необычным явлениям, например к призракам, левитации и т. д. Подлинная мистика не имеет со всем этим ничего общего, это переживание непосредственной встречи человека с Богом. Исследования показывают (Бергсон), что мистики, люди исключительные, есть во всех великих религиях. См.: религия.

МИФ. Повествование, о котором известно, что оно ложно, но которому мы верим, как если бы оно было истинным. Мифы бывают двух родов. Во-первых, существуют символические мифы, ложные при буквальном их понимании, но истинные, если толковать их как символы. Примером такого мифа является древнеегипетское повествование об Озирисе, который был убит Сетом, разъят на четырнадцать частей, но, несмотря на это, после их сложения вместе произвел на свет Хоруса. Этот рассказ, воспринятый буквально, конечно, ложен, ибо никогда не существовало ни Озириса, ни Хоруса и совершенно невероятно, чтобы расчлененный на части человек мог произвести кого-то на свет. Однако в символическом истолковании эта история предстает по-иному. Миф об Озирисе символически выражает веру египтян в бессмертие души, а эта вера не является ложной.

С символическими мифами связаны два заблуждения. Первое, распространенное среди приверженцев различных религий, основано на буквальном понимании мифов и признании их истинными. Второе, ставшее широко известным благодаря протестантскому теологу Бульманну, состоит в требовании очистить религию от мифов, оставив в ней положения, истинные в буквальном смысле. Демифологизация—явное заблуждение, ибо существенной чертой религии является разговор о предметах, выходящих за пределы возможностей обыденного языка, т. е. о Боге, и поэтому любая религия использует и должна использовать мифы в их символическом значении. Религия без мифов, подобно квадратному кругу или красной зелени, представляет собой противоречие в терминах.

Мифы второго рода не имеют символического значения; поняты буквально, они выполняют функцию призыва к действию. Классическим примером такого мифа является всеобщая забастовка, в возможности которой многие социалисты сомневались, однако держались за этот миф, ибо он воспламенял их в борьбе за правое дело. Розенберг, теоретик гитлеризма, создал свой "миф двадцатого века", т. е. расистский миф о роли немецкого народа и т. д., именно с этой целью. Мифы второго рода ложны; в отличие от символических мифов, это прямая неправда, и навязывать их людям, находящимся в здравом уме, абсурдно, тем более что известно, к каким тяжелым последствиям приводит вера в подобные мифы.

Вполне возможно, что возникновение мифов связано с национализмом. Причина их распространения—сомнение в возможностях разума, неуважение к здравому смыслу. Как легко заполнить пробелы в нашем знании с помощью лживых историй, а затем дать им изысканное название "мифы"!

См.: коммунизм, мировоззрение, религия, утопия.

НАУКА. Наукой называется совокупность утверждений, которые 1) касаются исключительно фактов, имеющих место в мире, 2) носят объективный характер, подлежат intersubъективной проверке, т.е. проверке хотя бы двумя разными людьми, 3) были сформулированы и систематизированы с тщательностью, присущей ученым, 4) опубликованы специалистами,

работающими в данной области.

С наукой связано несколько предрассудков.

Первый, очень популярный в прежние времена,—позитивизм, полагающий, будто наука (в особенности естествознание) компетентна во всех областях. Второй, противоположный первому, относит к науке совокупность положений, не имеющих с наукой ничего общего, например астрологические суеверия. Крайнее проявление этого предрассудка—часто встречающееся мнение, согласно которому между наукой и чернокнижием нет никакой разницы (Фейерабенд).

В последнем случае совершается сразу несколько ошибок. Во-первых, реальный исторический ход развития науки и чернокнижия смешивается с их логической ценностью. Во-вторых, из научных положений выбираются те, обосновать которые труднее всего, а именно всеобъемлющие теории, называемые также парадигмами (Кун). •И даже из числа последних берутся те, применение которых (как и опровержение) представляет наибольшие трудности.

Для нормального человека бесспорными являются следующие обстоятельства. Во-первых, множество положений науки не вызывает никаких сомнений. Так, например, если взять даже относительно слабую в логическом отношении науку, а именно историографию, то никакой нормальный человек не усомнится, что во второй мировой войне Германия потерпела поражение, а войска союзников одержали победу под Веной в 1683 году. Во-вторых, очевидно, что чернокнижие и тому подобные предрассудки—сущий вздор. Вот пример: суеверные "египтоманы" доказывают, что имя древнеегипетского божества Озириса следует произносить 0-сир-ис (0-81г-18), что означает по-английски, что О (т. е. Осирис) является господином. Это утверждение—невероятная Чуть, поскольку имя Озириса встречается уже в текстах, найденных в пирамидах (XXV в. до Р.Х.), тогда как английского языка не существовало до XI века нашей эры. Как же древние египтяне могли пользоваться языком, возникшим через 3500 лет? И подобных нелепостей—великое множество.

Но наиболее важна третья аксиома, касающаяся науки: для подтверждения и объяснения фактов, существующих в мире, нет ничего лучше научного метода. Наука—единственный серьезный авторитет в этой области. Попытка заменить науку заклинаниями, интуицией, тревогой или чем-то подобным является заблуждением. К сожалению, в наше время его разделяют многие.

Причин бездумного, неуважительного отношения к науке достаточно много; сыграл свою роль и страх перед последствиями применения научных результатов в технике, например в области использования атомной энергии. Видя, что научные исследования привели к созданию атомных бомб, люди начинают думать о науке с опаской, полагая, что ее следовало бы заменить чем-то иным. Однако опасность заключена не в самой науке, а в том, как ее используют. Простая дубина убивает не менее успешно, чем пулеметная очередь. Причиной зла в обоих случаях является не наука, а человек. Кроме того, если существует хоть какая-то надежда избежать отрицательных последствий развития техники, то она связана только с наукой, которая, как свидетельствует предшествующий опыт, всегда способствовала борьбе с подобными опасностями.

См.: иррационализм, позитивизм, разум, скептицизм, сциентизм.

НАЦИОНАЛИЗМ. Точка зрения, чаще всего выражаемая словами "нация—это наивысшая ценность". Независимо от того, как понимается нация—по-разному в разных странах,—национализм предполагает два утверждения: во-первых, нация есть своего рода абсолюта, божество, она—превыше всего, в том числе и личности, которая обязана пожертвовать ради нее всем; во-вторых, "своя" нация лучше, благороднее, ценнее других наций. Трудно преодолеть искушение и не процитировать поэта Милоша:

Ненавижу тех, чей разум

Затуманен пивными парами национализма.

На вопли этих дикарей

Я отвечаю бранью.

Национализм есть разновидность идолопоклонства, и в этом качестве он является заблуждением, причем очень опасным, ибо в угоду ему совершалось и совершается множество убийств и других несправедливостей. Нация—лишь одна из множества групп, к которым принадлежит человек. Каждый человек прежде всего член своей семьи, затем—региона, профессиональной группы, класса. За пределы нации выходит его принадлежность к культурным и религиозным сообществам. Забывать обо всем этом ради одной только нации, приписывать своей нации абсолютное превосходство над другими нациями—очевидный предрассудок.

В чем же причина его огромного успеха? Почему люди так легко и охотно убивают и позволяют убивать себя во благо нации? Ответить на этот вопрос довольно сложно. Прежде всего, почему люди вообще жертвуют собой во имя какого-то сообщества? И почему этим

сообществом чаще всего оказывается нация? Первый вопрос труднее, а на второй лучше всего ответить, указав на влияние литераторов, поэтов, пророков и т.д., которые внушили людям, что именно их нация—достойное поклонения божество, которому (сдует принести в жертву все, даже собственную жизнь и жизнь своих близких. Заблуждение бывает полезным и в тех случаях, когда людей, призывают на защиту той группы, к которой они принадлежат. С национализмом не нужно путать патриотизм, который не является предрассудком, это вполне разумная позиция. Из-за того, что люди путают эти понятия, они начинают разделять еще одно заблуждение, а именно интернационализм отнимающий у человека право заботиться о благе собственной нации и приписывающий абсолютное верховенство классу или человечеству. См.: коллективизм, человечество.

ПОЗИТИВИЗМ. Основанная на предрассудке философия, созданная французским философом О. Контom. Согласно этой философии, только "позитивные", т. е. естественные, науки в состоянии разобраться в проблемах, которые встают перед человеком. Все остальные формы познания—просто суеверие, А согласно неопозитивизму (новой форме позитивизма), все остальное— бессмыслица, т.е. невнятица. Позитивизму присуще также убеждение в том, что ценно только чувственное познание (Конт даже отрицает, что психология носит научный характер). Как справедливо заметил Н. Гартман, эту философию следовало бы назвать не позитивизмом, а негативизмом, ибо ее сущностью является отрицание всех форм человеческого познания, кроме естественнонаучного. Как мы видим, прогресс науки, особенно бурный в XIX веке, в некоторых ее областях еще продолжается, однако в последнее время утратил свое значение под влиянием еще более радикального суеверия, а именно скептицизма.

О том, что позитивизм—заблуждение, свидетельствует тот простой факт, что для решения многих проблем, например моральных, метод естественных наук непригоден, ибо наука судит о том, что есть, а не о том, что должно быть. Точно так же метод точных наук непригоден для решения философских проблем. Например, психолог, применяющий методы естествознания, может изучать взаимозависимость психических явлений, однако не способен ответить на вопрос, что такое душа, является ли она вещью или нет и т. п. Ученый не может даже определить логической ценности своего метода — например, ответить на вопрос, достоверны ли результаты естественных наук или являются ли они хоть в какой-то степени вероятными. Эти вопросы выходят за пределы возможностей конкретных наук и принадлежат сфере философии. Наконец, методу естествознания недоступны экзистенциальные вопросы, он предназначен исключительно для исследования внутри мировых явлений, в то время как экзистенциальные вопросы лежат, скажем так, на границе мира, а не в его пределах. С точки зрения позитивистов, эти вопросы лишены смысла, т. е. касаются исключительно области чувств и т. п. Но это сущий предрассудок и совершенно голословное утверждение. Почему бы нам не поставить вопрос о достоверности методов естественных наук? И на каком основании позитивисты снимают вопрос об отношении души и тела? Мы не услышим ответа. Утверждается, что должно быть так, а не иначе. Но декретировать эти вещи—значит впасть в заблуждение.

Успех позитивизма был вызван различными причинами. Одна из них—то впечатление, которое произвели на людей XIX века, да и XX тоже (перед второй мировой войной), достижения естественных наук и техники. От превознесения этих достижений до предрассудка, согласно которому хорош только метод естественных наук,—всего один шаг. Другой причиной является укорененность позитивизма в мировоззрении Просвещения. Наконец, отчасти тому виной представители синтетической философии, начиная с XVI века разрабатывавшие ненаучную философию. Многим тогда казалось (вследствие полного незнания истории философии), что выбор возможен только между домыслами этих философов и позитивизмом. На самом деле наряду с естественными науками и основанной на заблуждениях синтетической философией существует научная философия, в наше время называемая аналитической. С точки зрения этой философии, позитивизм—это суеверие. См.: достоверность, наука, Просвещение, рационализм, философия синтетическая.

ПРОВЕРЯЕМОСТЬ. Свойство суждений, от которого зависит их осмысленность. Принцип проверяемости гласит: суждение осмысленно в том и только том случае, если есть метод, обеспечивающий его проверку. Так, например, высказывание "мое окно сейчас закрыто" осмысленно, поскольку существует метод его проверки: если бы я захотел высунуть в окно руку, мне бы а удалось. Понимаемый таким образом при проверяемости очевиден и носит аналитический характер. Утверждая, что "суждение Р осмысленно", мы подразумеваем, что Р проверяемо.

С принципом проверяемости связано несколько предрассудков. Согласно первому, в настоящее время уже непопулярному, смысл высказывания тождествен методу его проверки.

Об ошибочности этого утверждения свидетельствует тот факт, что, прежде чем быть проверяемым, суждение уже должно обладать каким-то смыслом—невнятицу проверить невозможно.

Этот предрассудок был быстро преодолён, другой же оказался более устойчивым—речь идет о точке зрения, согласно которой проверяемость высказывания, делающая его осмысленным, носит чувственный и межличностный характер. Чувственный — в том смысле, что у нас должна быть возможность проверить данное высказывание с помощью зрения, слуха, осязания и т.д.; а межличностный — в том смысле, что его проверку могли бы осуществить как минимум два человека. Понимаемая так проверяемость входит в методологию естественных наук, которые признают утверждения, полученные путем чувственных (стало быть, межличностных) наблюдений, а также утверждения, обоснованные при помощи этих наблюдений. Применение этого требования за пределами естественных наук является заблуждением. Например, высказывание "у меня болит зуб" с этой точки зрения бессмысленно, т. е. никому не понятно; и в то же время все прекрасно его понимают. Но даже в области естествознания применение принципа проверяемости сталкивается с большими трудностями — это скорее идеал, чем четко сформулированный методологический постулат.

РАЦИОНАЛИЗМ. Это слово употребляется по крайней мере в двух смыслах. В широком смысле слова рационализм не является суеверием; таковым является его противоположность, иррационализм. В этом смысле рационализм состоит в пожелании, чтобы человек поступал разумно—как в выборе позиций, так и в принятии решений. А "разумно"—значит "логично", "непротиворечиво" и "в соответствии с принятыми в данной области правилами". К примеру, мы говорим, что человек, желающий отправиться из Кракова в Цюрих, поступит рационально, выбрав направление на Вену, и нерационально, неразумно, если поедет по направлению к Гданьску, ибо последний выбор будет противоречить поставленной цели. В более узком, просветительском смысле слова рационализм является предрассудком, ибо основан на убеждении, что разум, т. е. опыт и умозаключения, способен ответить на все вопросы, какие только возможны. В этом смысле рационализм отрицает как авторитет, так и веру. Такой рационализм является предрассудком потому, что в одиночку разум не в состоянии дать ответ на вопросы, касающиеся морали, и решить экзистенциальные проблемы. Следовательно, рационалистическое мировоззрение в этом смысле слова несостоятельно. Рационализм в узком смысле слова является составной частью еще трех суеверий. В сочетании с верой в прогресс он дает философию Просвещения; если же он сводит "разум" к методу естествознания, то получается позитивизм, который в свою очередь, соединяясь с убеждением в достоверности научных результатов, превращается в сциентизм. В настоящее время рационализм утратил свое значение, и гораздо более влиятельным представляется противоположное суеверие—иррационализм. См.: авторитет, вера, иррационализм, позитивизм, Просвещение, разум, сциентизм.

РЕЛЯТИВИЗМ. Заблуждение, выраженное в положении: "Все относительно (релятивно)". Суть релятивизма состоит в распространении теории относительности на весь мир. Согласно теории относительности, положение "А движется" означает "А движется относительно С". Например, предложение "бутылка, стоящая на столе в вагоне-ресторане, движется" означает, что бутылка движется относительно человека, стоящего на станции, но не относительно пассажира, сидящего в вагоне-ресторане. Релятивизм обобщает это положение и заявляет, что любое предложение типа "А есть В" означает "А есть В с точки зрения (относительно) С". К примеру, предложение "Варшава расположена на Висле" означает, строго говоря, что "Варшава расположена на Висле с точки зрения Кароля", но может и не располагаться там с точки зрения Людвига. Или: "Ольга спит" означает, что "Ольга спит с точки зрения Маргариты", но, возможно, "с точки зрения Натальи Ольга не спит". Понимаемый в таком смысле релятивизм есть суеверие; ибо, хотя очень многие предложения и относительны, некоторые таковыми, очевидно, не являются. Абсолютное заблуждение представляет собою прежде всего суждение "истина относительна", если оно вообще осмысленно, ибо положение Р истинно тогда и только тогда, когда то, что Р обозначает, является фактом, а это совершенно не зависит от того, знают об этом люди или нет. В сущности, релятивизм—всего лишь утонченная форма скептицизма. Причиной его популярности является разложение общества, утрата веры в здравый смысл; отсюда и обращение ко всякого рода предрассудкам. См.: истина, скептицизм.

СКЕПТИЦИЗМ. Предрассудок, согласно которому следует во всем сомневаться. С точки зрения скептицизма, истинных положений либо вообще не существует, либо мы не в состоянии судить, истинны они или нет. В менее радикальной версии, мы никогда не можем быть уверены в истинности какого-либо положения. Скептики сомневаются даже в законах логики, например в принципе противоречия, согласно которому один и тот же предмет не может одновременно и обладать каким-либо свойством и не обладать им.

Скептицизм можно рассматривать либо как своего рода директиву, программу или стратегию познания, либо как теорию, трактующую о возможностях человеческого познания. В обоих случаях мы имеем дело с недоразумением и суеверием. Если считать скептицизм директивой или стратегией, то возникает вопрос, в чем ее назначение. Конечно, можно порекомендовать вообще ничего не принимать на веру, стремиться к обоснованию существующих мнений и т.д., но при этом единственной целью остается анализ того, насколько истинно то или иное мнение. Если постоянно во всем сомневаться, наступает паралич воли и всякая человеческая деятельность останавливается. Если я начну сомневаться в существовании двери, через которую можно выйти из комнаты, мне и вправду трудно будет выйти. Усомнившись в прочности стула, я могу так никогда на него и не сесть. Словом, скептицизм как директива не только бесполезен, но и катастрофически вреден. Все говорит за то, чтобы его отвергнуть. Не лучше обстоят дела со скептицизмом как теорией. Следовало бы задать скептику вопрос, как можно, сомневаясь в самых простых и очевидных истинах—например, в том, что я в эту минуту сижу или что дважды два четыре,— в то же время судить об исключительно сложных проблемах человеческого познания. Если скептик не уверен в истинности своих взглядов, зачем они ему вообще нужны? Итак, скептицизм — это предрассудок.

Число скептиков увеличивается в периоды разложения общества, когда разрушаются не только социальные связи, но и утрачивается духовная почва; отчужденные от общества люди впадают в отчаяние, каковым и является скептицизм. В здоровом и творческом обществе сторонников скептицизма почти не встретишь.

См.: истина, релятивизм

СОЛИПСИЗМ. Крайняя форма теоретико-познавательного (субъективного) идеализма.

Согласно солипсизму, существует только философ, признающий солипсизм,— все же остальные люди и вещи в мире суть лишь "идеи", образы, находящиеся в его голове. Солипсизм противоречит здравому смыслу еще больше, чем обычный объективный идеализм, поскольку отрицать существование вещей легче, чем отрицать существование других людей. Бертран Рассел рассказывает, что получил как-то от известной ученой Маккаллем письмо, в котором та писала: "Я солипсистка и уверена, что многие люди разделяют мои взгляды". "Эти слова, вышедшие из-под пера известного логика, несколько удивили меня",— пишет Рассел. Ведь солипсизм сам себе противоречит: если солипсист не верит в существование других людей, то кого же он оповещает о своем солипсизме?

СХОЛАСТИКА. Второй период в истории средневековой философии (XI—XVI вв.). Термины "схоластика" и "схоластический" часто употребляются в том пренебрежительном значении, которое они приобрели в XVIII веке. Аналогичный оттенок тогда приобрело, к примеру, слово "готика". Насмешки и ложь, повторявшиеся в былые времена (не только в XVIII веке, но прежде всего в эпоху Возрождения), свидетельствуют о невежестве тех, кто занимался распространением этого предрассудка. Типично схоластическим считается вопрос: "Сколько ангелов помещается на кончике иглы?",—хотя все без исключения схоласты полагали, что ангелы—существа внепространственные и подобный вопрос не имеет смысла. Между тем схоластика, особенно ее кульминационный период (XIII век), относится к наиболее ярким эпохам в развитии философской мысли. [Это время блестящего расцвета логики, онтологии, философии языка, философии человека (антропологии) и других философских дисциплин. Известный историк философии утверждает, что "философия, долго и успешно развивавшаяся в одном направлении, никогда не создавала столь насыщенной и законченной системы понятий, какую создала схоластика" (Татаркевич). Схоластика была в то же время и научной философией, ибо носила совершенно безличный, объективный и рациональный характер.

Падение схоластики под градом насмешек писателей эпохи Возрождения ознаменовало собой начало воистину мрачного "переходного" периода между двумя эпохами живой мысли: схоластической и современной. Большая часть достижений, накопленных в античности и Средневековье, была забыта, и только в конце XIX века философия вновь обратилась к схоластическим традициям.

Поэтому употребление термина "схоластика" в рассмотренном выше смысле—суеверие, и в этом сходятся все знакомые с предметом люди. /

См.: Возрождение, прогресс, философия Нового времени.

СЦИЕНТИЗМ. Суеверие, получившее распространение особенно в XIX веке и все еще разделяемое многими людьми в отсталых странах; сциентизм является соединением двух заблуждений: позитивизма и веры в абсолютную достоверность, якобы достигаемую естественными науками. В действительности и то и другое—предрассудки. Если говорить о так называемых законах (результатах индукции первой степени), то в них мы нередко достигаем "моральной" достоверности, т. е. высокой степени вероятности. Но теории высокой степени обобщения, представляющие наибольший интерес для философии, никогда не бывают достоверными даже в этом смысле. В настоящее время сциентизм потерял многих своих сторонников, и наметилась тенденция к заблуждению противоположного толка—скептицизму. Тем не менее сциентизм, распространяемый коммунистическими партиями и отсталыми людьми, которых сегодня предостаточно, остается опасным предрассудком.
См.: истина, наука, позитивизм.

ТАЙНА. На религиозном и близких ему языках тайнами называются положения двоякого рода: те, которые мы не можем объяснить (понять, почему все происходит так, как возвещает тайна), и те, которые содержат непонятные слова. В то время как тайны первого рода не вызывают никаких трудностей, с тайнами второго рода связано широко распространенное суеверие. Суть его в том, что человек может всерьез относиться к положениям, смысла которых он не понимает. Например, кто-то говорит: "Я верю, что фокус-покус горняку м". Если человек действительно в это верит, не понимая смысла слов "фокус-покус", мы имеем дело с верой, достойной попугая, но никак не человека. Человек не вправе считать истиной, признавать или принимать на веру положения, смысл которых ему неизвестен. Этот предрассудок обнаруживается в истории философии, когда речь заходит о Боге, которого многие философы считали "невыразимым"; они утверждали, что "Бог"—это тайна или бессмыслица. И так думали не только средневековые еврейские мыслители; уже в XX веке Ясперс сообщает, что о Боге нельзя ничего сказать, после чего пишет о Нем толстую книгу. Можно, конечно, кое-что высказать о предмете, о котором нельзя ничего высказать, наделяя его именно таким (семантическим) свойством, как "невыразимость". Остается неясным, почему таким предметом не может быть дьявол и почему сторонники такого понимания тайны отпускают в его адрес философские комплименты. Все это не что иное, как предрассудок. Причина его распространения связана с тем, что о Боге (как, возможно, и о других предметах) нельзя говорить так же, как о телах и духовных объектах, существующих в мире. Но во избежание суеверия даже самые таинственные термины должны быть объяснены.
См.: невяница, религия.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. Согласно распространенному мнению, теория, т. е. "чистая" наука, не имеющая практического приложения, бесцельна и должна быть отвергнута или даже запрещена (О. Конт). Это—варварское суеверие, содержащее в себе угрозу также и для практики. Ведь человеческие потребности чрезвычайно разнообразны, помимо всего прочего, они включают в себя потребность в знаниях, доставляемых "чистой" наукой. Кто желает полностью подчинить науку так называемой практике, тот, в сущности, полагает, что потребности людей ничем не отличаются от потребностей животных и ограничиваются пищей, жилищем, одеждой и т. п., а это очевидная ошибка и предрассудок. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, сколько людей, притом самых простых, испытывают живой интерес к совершенно непрактичной астрономии, к истории и т.п. Отказ от чистой теории чрезвычайно опасен, ибо, как свидетельствует история человеческой мысли, именно исследования, некогда полностью оторванные от практики, со временем сыграли решающую роль в ее прогрессивном развитии. Так, чисто теоретические изыскания математиков прошлых веков стали главным орудием современного естествознания и основанной на нем чрезвычайно практичной техники. Можно упомянуть и логику, которая на протяжении двадцати пяти веков была развлечением интеллектуалов, а в XX веке положила начало кибернетике. Последняя включает в себя информатику, а следовательно, и технику, настолько практичную, что она может привести к преобразованию всей нашей жизни. Сюда же относятся и исследования строения материи, некогда чисто теоретические, а затем открывшие доступ к атомной энергии. Желание подчинить науку практике—предрассудок, который не только унижает человека, но и является чрезвычайно опасным для самой практики.

Причина его возникновения становится понятной, если мы вспомним о тех периодах, когда человеку не доставало существенно важных вещей, пищи, оружия и т.п., т.е. о жизни первобытных людей, а также об обстоятельствах военного времени. В такие периоды теория, конечно, должна уступать практике. К счастью, эти времена проходят, и тогда идея о подчинении теории практике превращается в опасное и недостойное человека заблуждение.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ. Распространенное в период упадка философии (XVI—XIX вв.) суеверие. Правда, "теория познания" означает и научную дисциплину, предмет которой составляет человеческое познание, его методы и т. д. (эпистемология, методология и т. д.). Однако та теория познания, которая разрабатывалась в философии Нового времени, является суеверием, ибо в ее основе лежат размышления над вопросом, способен ли вообще человек к познанию, существует ли мир или какой-то объект познания за пределами человеческого мышления и т. д. Эти вопросы являются вопросами обо всем. Но из логики известно, что обо всем нельзя ничего сказать, не впадая в противоречие. Так называемые "теоретико-познавательные проблемы" суть псевдопроблемы, и большая часть того, что написано на эту тему, представляет собой обычную невнятицу. Тот же, кто считает теорию познания наукой, становится жертвой предрассудка.

Главная причина возникновения данного суеверия—упадок философии в Новое время, когда философы усомнились в собственной дисциплине и сосредоточились на себе, стали решать псевдопроблемы вроде теории познания. С возникновением новой, современной научной философии XX века этот предрассудок был преодолен. См.: идеализм, философия Нового времени.